

Моей матери посвящается

Я думаю, сэр Уинстон прожил жизнь интереснее многих из нас. Он сыграл немало ролей на жизненной сцене, и сыграл их смело, с неподдельным увлечением. Он мало что упустил в жизни, и жизнь была к нему благосклонна. Он хорошо жил и хорошо играл — ставя на карту самые крупные ставки и всегда выигрывая. Ему нравилась власть, но он никогда не делал из нее фетиша.

Чарли Чаплин

Глава первая
ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА
1874—1911

Взросление и становление

В 1905 году в свет вышла первая биография Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля, написанная Александром Маккалумом Скоттом (1874—1928). С тех пор количество книг о британском государственном деятеле превысило отметку тысяча. Особенно выделяется так называемая официальная биография (вошла в «Книгу рекордов Гиннеса»), на создание которой ушло шесть десятилетий и которая состоит из 8 основных и 23 томов документов общим объемом 15 млн слов или 41 тыс. страниц. Сам Черчилль также внес существенную лепту в формирование своего образа. Утверждая в одной из статей — «слова единственное, что остается навеки»¹, он оставил потомкам колоссальное литературное наследие в 20 млн слов, из которых тексты одних только публичных выступлений (примерно 3 тысячи) занимают 6 млн слов.

Неординарная и противоречивая личность Черчилля привлекала, привлекает и будет привлекать внимание. В его биографии каждый ищет для себя что-то свое: одних интересует ответ на вопрос, как в эпоху социальных преобразований с выходом на сцену масс смогла появиться и состояться такая выдающаяся персоналия, другие хотят найти в его деятельности секреты успеха, третьи ищут подтверждений своему восхищению или ненависти, а кто-то просто испытывает восторг от изучения волнующих событий его жизни. Всех их — и поклонников, и хулителей — объединяет то, что при соприкосновении с Черчиллем не бывает скучно. Его жизнь захватывает стремительностью, величием, глубиной и непредсказуемостью. Причем с самого начала — с рождения.

Черчилль появился на свет в понедельник в половине второго ночи 30 ноября 1874 года в принадлежащем герцогу

Мальборо Бленхеймском дворце (Вудсток, графство Оксфордшир). Его рождение застало всех врасплох. Лондонский акушер Уильям Хоуп (1837—1893), который должен был принимать роды, не смог приехать из-за нерегулярного движения поездов в воскресное время, поэтому его в срочном порядке заменил местный хирург Фредерик Тейлор (1831—1909). Родители не успели подготовить новорожденному приданое, поэтому свой жизненный путь будущий премьер-министр начал в рубашонке, которую позаимствовали у жены местного адвоката, также находившейся в положении и разрешившейся от бремени в январе следующего года. Мать нашего героя леди Рандольф Черчилль, урожденная Дженни Джером (1854—1921), ожидала появления первенца несколько позже, планируя 29-го числа повеселиться на балу. Однако в середине праздника у нее начались схватки. Роженицу попытались отвести в спальню, но боли сделались настолько сильными, что ее пришлось разместить в первой попавшейся комнате. В свое время в этом помещении проживал капеллан первого хозяина Бленхейма, а накануне бала оно было приспособлено под дамскую гардеробную, где среди мехов, муфт, горжеток и шляп и совершилось достопамятное событие.

Примечательными были не только неожиданность, спешка и риск, которые и дальше будут сопровождать Черчилля, но и само место, где он родился. Планировалось, что он появится на свет в Лондоне, поэтому в это время активно шел ремонт в особняке на Чарльз-стрит, куда должны были переехать его родители. Но вместо этого Черчилль родился в Бленхейме — единственном английском замке, который, не являясь собственностью Церкви и Короны, именуется дворцом*. «В наших владениях нет ничего равного ему», — с гордостью признавал король Георг II (1683—1760). Это грандиозное сооружение в стиле барокко из 320 помещений, с собственной капеллой и огромной библиотекой длиной 560 метров было построено в 1705—1724 годах по проекту архитектора Джона Ванбру (1664—1726), работавшего в паре с ассистентом Николасом Хоксмуrom (1661—1736). Свое название дворец получил в честь победы Джона Черчилля 1-го герцога Мальборо (1650—1722) 13 августа 1704 года при швабской деревушке Гохштедт, коммуна Блиндхайм — в отечественной традиции Бленхейм. Черчилль, который

* В 1987 году Бленхеймский дворец стал памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО. — *Здесь и далее примечания автора.*

писал, что «дворец строг в своей симметричности и завершенности», любил Бленхейм, где для него всегда были зарезервированы комнаты. Именно в Бленхейме он проведет первую брачную ночь. Именно в Бленхейме он будет активно работать над своими лучшими историческими произведениями, два из которых будут посвящены личностям, также связанным с этим дворцом. Именно в Бленхейме он примет «два самых важных решения своей жизни»: родиться и жениться. По словам Черчилля, ему «повезло в обоих случаях»².

Мальборо, Бленхейм, сообщение о рождении в известной газете *The Times* и менее известном *Oxford Journal* — не простой антураж. Все эти символы недвусмысленно говорили о том, что новорожденный является частью бомонда. Черчилли ведут свою родословную с XI века, когда их далекий предок Вандриль де Лион лорд де Курсиль осенью 1066 года вступил на землю Туманного Альбиона в составе войск герцога Вильгельма Нормандского (1027/1028–1087) и принял участие в судьбоносном сражении при Гастингсе. Впоследствии фамилия де Курсиль (*de Courcil*) была изменена сначала на де Чирчиль (*de Chirchil*), а по прошествии еще некоторого времени — на Черчилль (*Churchill*). Самым известным представителем рода станет князь Миндельхейм в Священной Римской империи, генерал-капитан Джон Черчилль 1-й герцог Мальборо, не проигравший ни одного сражения и захвативший все крепости, которые когда-либо осаждал.

Похоронив при жизни двоих сыновей, полководец не оставил после себя прямых наследников мужского пола, поэтому фамилия Черчилль могла исчезнуть из исторической летописи. Все его владения и титул перешли старшей дочери Генриетте (1681–1733). Все отпрыски последней умерли бездетными, и после ее кончины титул перешел к ее племяннику, сыну ее младшей сестры Энн (1683–1716) — Чарльзу Спенсеру 5-му графу Сандерлендскому и 7-му барону Спенсеру (1706–1758). Известная фамилия сохранилась лишь благодаря решению короля Георга III (1738–1820), который в 1817 году с «целью увековечить имя» 1-го герцога Мальборо разрешил «использовать фамилию Черчилль вместе и после фамилии Спенсер». Отныне потомки «герцога Джона» стали именоваться Спенсерами-Черчиллями, а их герб объединил геральдические символы двух семейств: грифона* Спенсеров и льва Черчиллей. Спенсеры

* Мифологическое существо с туловищем льва, с головой, когтями и крыльями орла.

не уступали Черчиллям в своей известности и древности. Первые упоминания о них также приходятся на времена Вильгельма Завоевателя. Считается, что фамилия Спенсер происходит от старофранцузского *despensier* и означает «камердинер, распорядитель». Именно эту должность Роберт Деспенсер занимал при герцоге Нормандском. В 1519 году Спенсеры были возведены в рыцарское достоинство и с тех пор неоднократно вписывали свое имя в британскую историю. Чего стоит только Диана принцесса Уэльская (1961–1997) — яркий представитель знаменитого рода³.

Среди Черчиллей на фоне склонных к мотовству предков выделялся дед нашего героя Джон Уинстон 7-й герцог Мальборо (1822–1883), который посвятил себя «службе обществу», занимая посты в разных кабинетах министров, а также являясь членом Тайного совета. Еще больше добился его младший сын лорд Рандольф (1849–1895) — отец Уинстона. Пройдя обучение в Итоне и закончив Оксфорд, он в возрасте 25 лет был избран в Палату общин. Правда, это достижение объяснялось не столько личными качествами начинающего политика, сколько влиянием и финансовой поддержкой отца. Не случайно победа в избирательной гонке произошла в «карманном» округе Мальборо — Вудстоке.

Лорд Рандольф был эксцентричной, эгоистичной, амбициозной, в меру агрессивной и не в меру остроумной натурой, неуютно чувствовавшей себя на месте заднекамеечника. Вместе с единомышленниками он основал «Четвертую партию», доставляя немало беспокойства как главе оппозиции, так и лидеру тори. При этом он был популярен среди народа и журналистов. В 1885 году его назначили государственным секретарем по делам Индии (министром по делам Индии)*, а буквально через год он взлетел еще выше, став канцлером Казначейства (министром финансов)

* Британское правительство или Правительство Ее (Его) Величества состоит из департаментов. К департаментам также относятся Казначейство и Совет Адмиралтейства (ликвидирован в 1964 году с передачей функций Государственному департаменту обороны). Департаменты возглавляют государственные секретари, которые имеют ранг старших министров. Уровнем ниже находятся так называемые государственные министры, которые отвечают за отдельные направления деятельности департамента. В отечественной традиции всех членов правительства принято называть министрами. Во избежание путаницы при первом упоминании должности она приводится полностью с указанием в скобках привычного для русскоязычного читателя названия.

и лидером Палаты общин. Те качества, что возвели его наверх, привели спустя всего пять с половиной месяцев к падению. Поддавшись эмоциям и уверовав в собственную несокрушимость, он вступил в противоборство из-за военных статей расходов с главой правительства и государственным секретарем по военным делам (военным министром). В качестве рычага влияния он использовал угрозу отставки, которая, к его глубокому удивлению, была принята. На этом карьера лорда Рандольфа закончилась. Когда премьер-министра спросили, возможно ли возвращение парии в большую политику, он безапелляционно ответил: «А вы когда-нибудь видели, чтобы человек, избавившись от карбункула, хотел его вернуть обратно»⁴. Больше никаких постов лорд Рандольф не занимал. И хотя он продолжал до конца жизни оставаться членом парламента, его выступления со временем потеряли былую остроту и популярность. Несмотря на постигшие зазнавшегося политика неудачи, личность Черчилля-старшего оказала существенное влияние на Уинстона. Он хотел быть во многом похожим на своего отца, выбрав в качестве области приложения своих талантов политику, а в качестве средств достижения успеха стиль своего кумира — активность, неконформизм и ораторское мастерство.

Не меньшее влияние, чем отец, на будущего политика оказала его мать. Хотя Дженни была родом из Нью-Йорка, свое воспитание она получила в Париже, который нехотя покинула и переехала в Англию из-за Франко-прусской войны 1870—1871 годов. Забавно, но отложенным и непрогнозируемым последствием этого военного конфликта, которому поспособствовал один из видных архитекторов Второго рейха Отто фон Бисмарк (1815—1898), стали переезд Джеромов и появление на свет в Британии человека, который многое сделает для крушения Второго и Третьего рейхов. Дженни была любимицей отца — Леонарда Джерома (1817—1891), который был личностью неординарной. Причем не только благодаря своему происхождению — его бабушка по отцовской линии была родственницей первого президента США Джорджа Вашингтона (1732—1799), — но и образу жизни. Он успел послужить консулом в Триесте, побывать совладельцем *New York Times* и «Тихоокеанской почтовой паровой компании», а также несколько раз переплыть Атлантику на небольших яхтах. Когда он умирал, последними его словами, обращенными к дочерям и внукам, стали: «Я отдал вам все, что имел. Передайте дальше»⁵.

Словно эстафету, Дженни передаст Уинстону оптимизм, энергию и жизнелюбие своего отца, его настойчивость и упрямство, любовь к авантюрам и риску, а также храбрость, стойкость и готовность бороться за свои убеждения. Кстати, если свое первое имя наш герой получил в честь отца «герцога Джона» — сэра Уинстона Черчилля (1620—1688) и деда по отцовской линии, то второе имя — в честь Леонарда Джерома.

Принадлежность к высшему обществу не гарантировала успеха, хотя во многом ему способствовала. Не имея за спиной солидного перечня именитых и древних предков, Черчиллю пришлось бы гораздо сложнее пробираться наверх. Не означало наличие самобытных и пользующихся успехом у высшего света родителей счастливого детства у их отпрысков. Во многом прохладная отстраненность по отношению к собственным чадам диктовалась нормами викторианского общества. Но немаловажную роль сыграл и личностный фактор. Ведь тот же коллега лорда Рандольфа Джозеф Чемберлен (1836—1914) находил время, несмотря на все свои дела, заниматься с сыновьями. В отличие от него Черчилль-старший воспитанием Уинстона себя не утруждал. Он редко навещал его в школе (например, в Хэрроу появился только один раз), а в общении посредством эпистолярного жанра в основном упрекал сына за небрежность, расточительность, зазнайство и безалаберность. «Я уверен, — негодовал он, — если тебе не помешать вести жизнь праздную и бессмысленную, ты превратишься в обычного светского бездельника: одного из тех сотен незадачливых выпускников привилегированных школ, которыми кишит высший свет. Если это произойдет, то винить в своих бедах тебе придется только себя». Подобное отношение могло породить в душе ребенка отчуждение и ненависть к своему родителю. Но произошло все с точностью до наоборот. Черчилль преклонялся перед своим отцом. Он боготворил его в детстве, считая, что «у него были ключи от всего (или почти от всего), что стоит внимания», и всегда с пиететом относился к нему в зрелые годы. В этом отношении очень показателен фантастический рассказ «Сон», написанный им в конце 1940-х. В этом произведении умудренному опытом и увенчанному лаврами политику является дух его отца, и он с благоговением описывает, что произошло за последние полвека, не обмолвившись ни словом о собственных достижениях. «Я бы очень хотел, чтобы мой отец прожил достаточно долго и смог бы увидеть все, чего я

добился в жизни», — признается он однажды младшей дочери. Но этого не произойдет, а желание доказать отцу, что он ошибался относительно способностей своего сына, станет одним из мотивов амбициозного и целенаправленного поведения нашего героя⁶.

По-своему драматично сложились у Черчилля отношения с матерью. Современники восхищались ее красотой, сравнивая Дженни с пантерой и считая, что, если бы она «вся была, как ее лицо, — она могла бы править миром». С такими женщинами приятно общаться и вместе проводить время, но они не созданы для воспитания детей. Неудивительно, что описывая свои чувства к ней, Черчилль говорил: «Я нежно любил ее, но издали». Говоря же о своем восприятии матери, он называл ее «сказочной принцессой — лучезарным существом, всемогущей владычицей несметных богатств»⁷. Она проявляла больше теплоты в общении с Уинстоном, чем ее супруг, но навещала его также нечасто, предпочитая посвящать себя суете и красоте великосветской жизни. Влияние Дженни станет заметным, когда ее сын подрастет. Она будет выводить его в свет, познакомив с Розбери, Бальфуrom и Асквитом, каждый из которых станет премьер-министром; она будет помогать налаживать и развивать полезные связи, которые пригодятся при устройстве в различные военные кампании, издании книг, а также для начала политической деятельности; она будет поощрять самообразование, щедро снабжая книгами и советами.

Несмотря на черствые отношения родителей, сказать, что Черчилль был одинок в детские годы, нельзя. В этот период в его жизни был человек, который дарил утешение, заботу и нежность — няня миссис Элизабет Энн Эверест (1833—1895). Не в состоянии выговорить полностью слово «женщина» (*Woman*), он называл ее просто Вум (*Woom*) или Вумани (*Woomany*). По его словам, она была его «наперсницей», «везде следовала за мной и всячески меня баловала». Эта любовь была взаимной. Черчилль обожал свою няню, не стесняясь прогуливаться около школы с этой полноватой, скромно и старомодно одетой женщиной под смешки одноклассников, неизменно целуя ее в щечку на прощание. Впоследствии подтрунивающие над ним сверстники подрастут и поймут, насколько отважным нужно быть, чтобы вести себя подобным образом.

Судьба миссис Эверест сложится трагически. Когда родители перестанут нуждаться в ее услугах, беззащит-

ную женщину сначала переведут ключницей в лондонский дом герцогини Мальборо, которая относилась к ней с неприязнью, называя «ужасной старухой», а потом и вовсе рассчитают. Черчилль был возмущен столь «жестоким и подлым» обращением, заявив, что миссис Эверест «больше чем кто-либо другой ассоциируется у меня с домом» и больше всех его любит. Он требовал «более справедливого и великодушного» обращения с пожилой женщиной, которую фактически выставили на улицу без средств к существованию после «почти двадцати лет преданной службы». Однако ему не удалось восстановить справедливость. Миссис Эверест же тем временем продолжит присылать подарки любимому Уинни, покупая их на свои скудные средства. Впоследствии портрет миссис Эверест будет неизменно висеть в кабинете Черчилля, а сам он оставит о ней следующие строки в одном из своих произведений: «Странная вещь — любовь этих женщин. Возможно, это единственная бескорыстная любовь на свете». Читая однажды «Автобиографию» историка Эдуарда Гиббона (1737–1794), его внимание привлекут рассуждения автора о старой нянюшке: «Если есть кто-то, а такие, я верю, есть, кому в радость, что я живу, благодарить они должны эту женщину». Черчилль перечитает эти слова несколько раз и скажет, подумав о миссис Эверест: «Пусть это будет ей эпитафией»⁸.

В феврале 1880 года в семье произошло пополнение. Леди Рандольф родила второго сына — Джона Стрейнджа Спенсера Черчилля (ум. в 1947 г.). Джек, как все его звали, проживет тихую и незаметную жизнь в тени своего брата, с которым у него сложатся теплые и доверительные отношения. Примерно на это же время в жизни Уинстона приходится другое важное событие — начало образования, которое воплотилось в «зловещей фигуре гувернантки». Женщину звали мисс Хатчинсон. Она вспоминала о своем подопечном, как об «очень решительном мальчике». Когда ему в очередной раз не захотелось выполнять ее указания, он позвонил в колокольчик и потребовал от слуги проводить даму прочь, объяснив, что она «слишком строгая». Забавно, но мисс Хатчинсон также будет гувернанткой у другого известного политика — лидера Лейбористской партии, заместителя Черчилля в коалиционном правительстве, а также его преемника на посту премьер-министра Клемента Эттли (1883–1967)⁹. Вот уж действительно женщина знала, как воспитывать из мальчиков премьер-министров!

В отличие от своих будущих коллег в правительстве, у

Черчилля не было университетского образования, что, однако, не помешало ему стать одним из самых начитанных политиков своего времени. Формальное образование будущего премьер-министра началось в ноябре 1882 года. Оно ограничилось тремя школами и военным колледжем. Первая школа — Сент-Джордж в Аскоте, которая управлялась преподобным Гербертом Снейд-Киннерсли (1848—1886), предпочитавшим итонскую модель со ставкой на воспитание, — оставила у Уинстона самые неприятные воспоминания. И хотя он убеждал родителей, что «очень счастлив в школе» (будущие джентльмены не должны жаловаться), его учеба в Сент-Джордже стала одним из самых тяжелых периодов в жизни. Постоянно подвергаясь бессмысленным и безжалостным поркам, он называл ее впоследствии «каторгой» и считал, что, если бы его оттуда не забрали — благодаря заботливой миссис Эверест — он просто сломался бы как личность. В 1893 году он вернется в Аскот, чтобы отомстить директору-садисту, но осуществить вендетту не удастся — преподобный скончается в ноябре 1886 года от сердечного приступа¹⁰.

Вторая школа, которую держали в Брайтоне две незамужние сестры Шарлотта (1843—1901) и Катерина Томсон (1845—1906), оставила более благожелательные воспоминания. В этой школе Уинстон учился с лета 1884-го по апрель 1888 года. Он увлекся плаванием и футболом. И если с первым видом спорта роман продлится всю жизнь, то отношения со вторым останутся на уровне кратковременного увлечения. В дальнейшем Черчилль будет отдавать предпочтение другой командной игре в мяч — поло. Относительно успехов в учебе молодой патриций подтянулся по многим дисциплинам, а по литературе и французскому языку смог даже занять в классе первое и третье места соответственно. Но в целом Черчиллю было далеко до пьедестала отличника. Основные предметы ему давались с трудом, что сказалось при поступлении в среднюю школу. Если бы не принадлежность известному роду и не заступничество отца, то из-за слабых ответов на экзамене в поступлении ему было бы отказано.

Обычно отпрыски одной фамилии учились в одной средней школе. Для Черчиллей таким учебным заведением на протяжении 140 лет был Итон. Но в случае с Уинстоном из-за его слабого здоровья предпочтение было отдано школе Хэрроу, ведущей свою историю с 1572 года и гордившейся именитыми выпускниками — Джоном Байроном (1788—

1824), премьер-министрами Робертом Пилом (1788—1850) и Генри Пальмерстоном (1784—1865), не говоря уже о почти шестидесяти членах Палаты общин, которые также учились в ее стенах на момент поступления нашего героя.

Черчилль старался учиться, но получалось не слишком хорошо. Ему по-прежнему тяжело давались математика и мертвые языки — латинский и древнегреческий. Когда ему указали, что для премьер-министра Уильяма Гладстона (1809—1898) чтение Гомера в подлиннике было наилучшим видом отдыха, он саркастично ответил: «Так ему и надо». В дальнейшем Черчилль признает пользу изучения языков, замечая, что «чтение на иностранном языке расслабляет ум, оживляя его посредством знакомства с другими мыслями и идеями». Сам он отдавал предпочтение французскому языку, который был близок ему с детства. Им в совершенстве владела его мать, а сама Франция всегда оставалась для него самой любимой после Британии страной. В отличие от леди Рандольф Черчилль владел французским с изысканиями. Он мог бегло читать, но в отношении разговорной речи сталкивался с трудностями: ему не всегда было легко понять собеседника, а собеседники в свою очередь не всегда понимали его. Как шутил Шарль де Голль (1890—1970), он даже выучил английский язык, чтобы понять французский Черчилля¹¹.

Если говорить об академических успехах Черчилля в целом, то преподаватели жаловались на его «забывчивость, невнимательность и непунктуальность». «Уинстон настолько организован в своей неорганизованности, что я и в самом деле не знаю, что с ним делать», — недоумевал его классный руководитель Генри Оливер Дэвидсон (1854—1914). Преподавательский состав поддерживала леди Рандольф, упрекая сына за «порывистый и непоследовательный» стиль учебы, а также заявляя, что «мы с отцом очень разочарованы». В ответ Черчилль, хотя и признавал свою леность, «невнимательность и забывчивость», жаловался на учителей, объясняя, что не может усваивать материал от тех, «кого я ненавижу и кто отвечает мне тем же». Он не стеснялся поправлять лекторов, если считал, что они неправы, а также дерзить им в ответ. Когда один из учителей отчитал его: «Черчилль, у меня есть очень серьезные основания быть недовольным вами», он тут же парировал: «У меня также, сэр, есть очень серьезные основания для недовольства вами». Потомок герцогов Мальборо был своенравным и строптивым учеником. Когда встал вопрос о

продолжении занятий дома, он заявил, что «никогда не учился во время каникул и сейчас не собирается», поскольку это «противоречит моим принципам»¹².

Поведение Черчилля — отдельная тема. Он постоянно опаздывал (со временем этот недуг станет хроническим), спорил и шкодничал. То его ловили за битьем стекол в школьной мастерской, то он мастерил бомбу из пивной бутылки, от взрыва которой сам же и пострадал — к счастью, отделался легкими ожогами и опаленными бровями. Когда учитель наказал его за кражу сахара из кладовки, он в отместку разорвал любимую соломенную шляпу обидчика. Очевидцы вспоминали о нем, как о «капризном, рыжеволосом бульдожке», о «замкнутом мальчике, который бродил сам по себе» с видом «гордым и недовольным». Он остался в памяти как непослушный ребенок, который «последовательно нарушал каждое правило» и учеба которого была «одной долгой враждой с администрацией». Несмотря на отсутствие популярности у сверстников, не самые высокие достижения в учебе, а также конфликты с преподавателями, Черчилль был уверен в себе и в своем предназначении. «Наша страна подвергнется страшному нападению, я возглавлю оборону Лондона и спасу столицу и всю Англию от катастрофы», — заявил он одному из одноклассников. Когда тот уточнит, видит ли Уинстон себя будущим военачальником, как его далекий предок, он ответит: «Не знаю, будущее расплывчато, но главная цель ясна. Повторяю: Лондон будет в опасности и я, занимая высокий пост, спасу нашу столицу, спасу нашу империю!»¹³

За всем этим бунтарством и упрямством стояло нечто больше, чем нежелание учиться, трудиться и общаться. И того, и другого, и третьего Черчиллю было не занимать. Только принятые нормы не позволяли ему реализоваться в заданных стандартах, вынуждая его пробираться вперед своим путем, периодически возмущаясь и огрызаясь. Уже тогда он выбрал своим кредо: «Я люблю учиться, но мне неприятно, когда меня учат». Отставая по основной программе, он все-таки смог добиться значительных успехов в учебе. Благодаря педагогическому таланту Роберта Сомервелла (1851–1933) Черчилль полюбил родной язык, признаваясь впоследствии, что в Хэрроу он впитал его в свою «плоть и кровь». «Никогда не мог поверить, что встречу ученика, который в четырнадцать лет будет испытывать такой пиетет перед английским языком», — не скрывая своего удивления, признавал Сомервелл. Именно в Хэрроу Чер-

чилль начал писать, отметившись эссе о Палестине времен Иоанна Крестителя, эссе о мифическом царе Египта Рампсините — одном из героев рассказов Геродота, небольшой пьесой в четырех актах, «остроумными и великолепно написанными» статьями для местной газеты *The Harrovian*, основательным докладом в 30 тысяч слов о военных кампаниях герцога Мальборо, а также эссе о будущем международном конфликте с пугающе точным обозначением даты его начала — 1914 год¹⁴.

Помимо любви к английскому языку, Черчилль также увлекся чтением. Его первой книгой стал «Остров сокровищ», затем он попросил мать купить ему иллюстрированный труд генерала Улисса Гранта (1822–1885) «История Гражданской войны в Америке», следующим на очереди стал роман Генри Райдера Хаггарда (1856–1925) «Копи царя Соломона», который он прочитал двенадцать раз. В Хэрроу Черчилль стал завсегдатаем школьной библиотеки и местного книжного магазина, погружившись в творчество Уильяма Теккерея (1811–1863), Чарльза Диккенса (1812–1870) и Уильяма Вордсворта (1770–1850). Он обсуждал с преподавателями форму изложения мыслей и литературные приемы Роберта Льюиса Стивенсона (1850–1894), Джона Рёскина (1819–1900) и кардинала Джона Ньюмана (1801–1890). Он победил в поэтическом конкурсе, процитировав без единой ошибки 1200 строк из «Песен Древнего Рима» Томаса Бабингтона Маколея (1800–1859). Отныне в школьных ведомостях рядом с его именем появится буква (p) что означало *prizeman* — призер.

Из других школьных достижений Черчилля выделяется его победа на спортивных состязаниях среди средних школ. Он займет первое место в турнире по фехтованию. Этот успех, как и другие увлечения спортом — плавание, поло и верховая езда — тем более удивительны, что Уинстон не отличался крепким телосложением и здоровьем. Во время учебы у сестер Томсон он едва не скончался от пневмонии. На пике заболевания температура достигла 40,2°C, и он несколько дней провел в бредовой горячке. Потом у него обнаружили грыжу живота. Учитывая, правда, начальный характер заболевания, лечивший его Уильям Маккормак (1836–1901) посоветовал ограничиться наблюдениями. Операцию сделают только спустя шестьдесят лет в 1947 году. Также Черчилль жаловался на плохое зрение и уже в школе стал носить очки. Гораздо больше проблем, чем грыжа и близорукость, будущему политику доставил кариес. Черчилль будет часто об-

ращаться к услугам стоматолога, уже в Хэрроу лишившись зубов мудрости. Впоследствии, не достигнув и тридцати лет, он распрощается с большинством передних зубов, заменив их протезами. В конце жизни он станет клиентом одного из самых востребованных и признанных стоматологов своего времени сэра Уилфреда Фиша (1894–1974), а протезы ему будет изготавливать зубной техник Дерек Кудлипп.

Несмотря на скромные физические данные своего первенца, лорд Рандольф решил, что дальнейшее будущее Уинстона должно быть связано с военной карьерой. На тот момент этот выбор казался самым приемлемым, как со стороны отца, который здраво рассудил, что среди всех доступных стезей: военного, ученого, финансиста и духовенства первая подходит лучше всего, так и нашего героя, с детства благоволившего соответствующей тематике. Это потом станет понятно, что амбиции Черчилля лежали в отличной от военной области сфере, а пока все остались довольны.

В качестве следующего учебного заведения был выбран Королевский военный колледж Сандхёрст, ведущий свою историю с 1799 года. Черчилль трижды сдавал вступительные экзамены, прежде чем набрал летом 1893 года нужное количество баллов. Да и то, прежде чем предпринять последнюю попытку, родители отправили его к репетитору — капитану инженерных войск Уолтеру Генри Джеймсу (1847–1927), про которого говорили, что его муштра только «круглого идиота» не берет. Уинстон, правда, в свойственной ему манере несколько раз заявил, что зубрежка не для него, но капитан Джеймс нашел подход к трудному ученику и тот все-таки сдал экзамен.

Хотя в этом достижении был привкус горечи. Отец рассчитывал на поступление в пехотный класс, который считался выше и требовал меньше затрат на содержание курсанта. Он также договорился с главнокомандующим британской армией о последующем устройстве сына в 60-й стрелковый (Королевский Его Величества стрелковый корпус). Но его отпрыск не смог набрать нужное количество баллов и поступил в кавалерию, что означало дополнительные расходы на двух строевых лошадей, одного-двух гунтеров и пони для поло. Уинстона в очередной раз подвели математика и латынь*. Впоследствии, правда, Черчилль

* По математике из 2000 баллов Черчилль сначала набрал 568, затем — 1063 и в третий раз — 1236. По латыни он набрал на третьем экзамене всего 362 балла из 2000.

будет переведен в пехотный класс, но для лорда Рандольфа неспособность его сына сдать на должном уровне экзамен лишь укрепила его убеждение в отсутствии у Уинстона каких-либо талантов. «Отныне я не придаю ни малейшего значения твоим знаниям и подвигам», — упрекнет он его¹⁵.

Несмотря на строгий режим и напряженный график, учеба в Сандхёрсте Черчиллю нравилась. Возможно потому, что она была ему интересна и он находил ее в «высшей степени практически направленной». Он наслаждался стрельбой из револьвера и винтовки, с удовольствием занимался верховой ездой, с увлечением постигал азы тактики, фортификации и военного администрирования. Также он значительно расширил свою библиотеку, приобретая «Военные операции» генерал-лейтенанта Эдуарда Брюса Хэмли (1824—1893), «Заметки о пехоте, кавалерии и артиллерии» принца Крафта цу Гогенлоэ-Ингельфингена (1827—1892), «Огневую тактику пехоты» Чарльза Блэра Мейна (1855—1914), а также целый ряд других исторических работ о Гражданской войне в США, Франко-прусской и Русско-турецкой войнах. Черчилль обещал родителям подтянуться в учебе и сдержал слово. После трех семестров обучения он занял 20-е место в общем списке из 130 выпускников.

В декабре 1941 года, когда Франклин Делано Рузвельт (1882—1945) пожалуется британскому премьеру на свое несчастное детство и отсутствие возможности реализовать свои амбиции в Гарварде, Черчилль кивнет и добавит: «Когда я слышу, что кто-то говорит о своем детстве как о самом счастливом периоде жизни, я всегда думаю: “Ну и скучную же жизнь ты прожил, мой друг”». Несмотря на ряд светлых моментов, в целом Черчилль воспринимал свое детство и юношество в мрачных тонах. Оно и неудивительно, если учесть, что в Сент-Джордже его два года пороли с садистским удовлетворением, а в Хэрроу из четырех лет учебы он три года был фагом* и сверстники обращались к нему лишь когда нужно было заправить постель или почистить обувь¹⁶. Ситуация несколько изменилась в Сандхёрсте, хотя казарменные ограничения не слишком подходили свободолобивой натуре внука Леонарда Джерома.

Обучение в Сандхёрсте завершилось в декабре 1894 года. В первой половине следующего года произошло несколько событий, которые ускорили процесс взросления

* Фаг (*fag*) — младший ученик в привилегированных частных британских школах, который прислуживает старшеклассникам.

нашего героя. Уход лорда Рандольфа из большой политики совпал с резким ухудшением его здоровья. Из фонтанирующего идеями и остротами политика он превратился в сгорбленного, высохшего старика, который жаловался друзьям: «Я знаю, что хочу сказать, но не могу это произнести». Исследователи расходятся во мнении относительно его болезни. Одни указывают на сифилис, другие — на опухоль мозга. По словам друзей, Черчилль-старший «умирал публично, дюйм за дюймом», его называли «главным плакальщиком на собственных затянувшихся похоронах», а разрушение его личности — «самым трагичным явлением Палаты общин нашего поколения»¹⁷. Жизненный путь лорда Рандольфа Черчилля завершился в Лондоне в особняке матери на Гросвенор-сквер 24 января 1895 года. 28-го числа его похоронили на церковном кладбище Блэдон, неподалеку от Бленхеймского дворца, в котором двадцать лет назад родился его сын.

В начале апреля скончалась бабка Черчилля по материнской линии Клара Джером (род. 1825). 3 июля не стало миссис Эверест. Когда Черчилль узнал о ее болезни — обострении перитонита, он привел к ней врача и нанял сиделку. Последние мгновения он провел с ней. «Наблюдать за ее кончиной было ужасно», — признается он леди Рандольф. Его утешало только то, что «она была рада увидеть меня» и «не страдала», «приняв смерть спокойно». «Она прожила невинную, исполненную любви жизнь, служа другим людям и не мучаясь страхами, — напишет он впоследствии. — Она была мне самым дорогим и близким другом на протяжении всех первых двадцати лет моей жизни». Черчилль организовал похороны миссис Эверест на городском кладбище Лондона, а также на протяжении многих лет заказывал у местного флориста Коллинза цветы для могилы.

Оглядываясь на «ужасные потери», которые семья понесла за первые шесть месяцев 1895 года, Черчилль написал своей матери: «Мы все умрем: одни — сегодня, другие — завтра. И так будет продолжаться тысячи лет. История человечества — это повествование о бесчисленных трагедиях, и, возможно, самой прискорбной частью бытия является незначительность человеческого горя»¹⁸.

Философский настрой говорил о том, что юноша повзрослел. Безвременная кончина отца в возрасте 45 лет оказала на него серьезное влияние и определила начало стремительной карьеры. На протяжении какого-то времени Черчилль серьезно будет полагать, что отметка в 46 лет

станет роковой и для него, поэтому, если он хочет чего-то достичь — а он хотел — ему следует торопиться. И он устремился вперед со всей неистовостью, энергией, трудолюбием и амбициями, которые уже проявились в нем на тот момент и продолжили определять его поведение и дальше.

Первый успех

Двадцатого февраля 1895 года Черчилль в звании второго лейтенанта был зачислен в 4-й гусарский Собственный Ее Величества полк. Если Хэрроу и Сандхёрст были выбором лорда Рандольфа, то место прохождения службы стало исключительно собственным решением нашего героя. Уинстон должен был начать службу в 60-м стрелковом полку, но из-за своей любви к лошадям, а также считая, что в кавалерии быстрее получить повышение, он не только изменил решению отца, но и смог настоять на своем выборе. За свою долгую и активную жизнь британский политик будет служить в восьми полках: 4-м гусарском, 31-м Пенджабском, 35-м сикхском, 21-м уланском, Южноафриканском легком кавалерийском, Оксфордширском гусарском, Гренадерском гвардейском, Королевском шотландских фузилеров. Однако 4-й гусарский все равно останется самым любимым.

Со свойственным ему нетерпением Черчилль прибыл в казармы до официального начала прохождения службы. Однополчане встретили его хорошо. На следующий 1896 год был запланирован перевод полка в Индию. Для амбициозного второго лейтенанта это была не самая приятная новость. Понимая, что на далеком субконтиненте возможностей отличиться будет немного, он решил не терять время и до переезда в Индию заявить о себе. А как еще это можно сделать военному, если не проявить себя на поле битвы? Только с эпохой жаждущему славу субалтерну не повезло. В тот период преобладал мир. И Черчиллю пришлось потрудиться, чтобы найти место боевых действий. Для поиска приключений он решил отправиться на Кубу, раздираемую партизанской войной местных повстанцев и испанских колонизаторов. Учитывая, что Британия не принимала участия в этом конфликте, то при обычных обстоятельствах попасть гусару Ее Величества на Антильскую жемчужину было невозможно. Но Черчилля знали правильные люди, обратившись к которым он получил официальное задание

собрать на Кубе информацию о новом типе пуль и ружей. В устройстве его поездки личное участие приняли британский посол в Испании, глава внешнеполитического ведомства и военный министр Испании, а также главнокомандующий британской армией.

Путь на Кубу лежал через США. 9 ноября 1895 года Черчилль прибыл на родину своей матери, в Нью-Йорк, остановившись в доме ее друга Уильяма Бурка Кокрана (1854—1923). Кокран относился к тому типу людей, которые сделали себя сами. Эмигрировав в семнадцатилетнем возрасте из Ирландии и зарабатывая себе на жизнь уроками по французскому, древнегреческому и латинскому языкам, он смог получить образование и стать успешным адвокатом (среди его клиентов были *American Tobacco Company*, *International Steam Company*, *New York Central Railroad*, а также родоначальник «желтой прессы» и издатель *The World* Джозеф Пулитцер), конгрессменом и выдающимся оратором.

Личность, подобная Кокрану, не могла не произвести на Черчилля впечатление. Своей матери он характеризовал его как «самого интересного человека, которого я когда-либо видел», добавляя при этом, что у него «можно многому научиться». Кокран также смог разглядеть в молодом госте потенциал, отметив «мощь языка и широту взглядов» собеседника. Он с удовольствием согласится передать ему свой опыт по широкому кругу вопросов, став его ментором. Их общение не ограничилось личными беседами. Сохранилась также доверительная переписка, в которой Черчилль делился своими мыслями, замечая, например, что «обязанность правительств в первую очередь быть практичными», а также, что «среди всех талантов самым редким и ценным» является ораторское мастерство. Впоследствии Черчилль будет неоднократно вспоминать Кокрана и воздавать ему должное в своих мемуарах, статьях и речах, процитировав его даже во время знаменитого выступления в Фултоне. На примере ирландца он поймет, как можно дважды менять партийную принадлежность, сохраняя при этом верность своим взглядам. Общение с Кокраном научит его, что в политике, «как и в природе, края и границы всегда стерты и существует лишь немного линий, которые не смазаны» и которые нельзя переступать¹⁹.

Помимо общения с Кокраном Черчилль также проявил интерес к американскому образу жизни. Он признавал, что Нью-Йорк «полон противоречий и контрастов». Зато ему

понравились трамваи, которые он назвал «идеальной системой, одинаково доступной богачам и беднякам». Также его поразило, что развитие трамвайной транспортной системы происходило не на средства, полученные после «конфискации собственности» или «деспотичного налогообложения», а в результате «простой деловой инициативы». В отношении американского общества он считал, что в нем превалирует практичность, которая «ставится во главу угла, заменяя романтику и внешнюю привлекательность». Негативное впечатление на него произвела американская пресса, главным свойством которой он считал «вульгарность». Впоследствии он выразит свое отношение к американским СМИ емким высказыванием: «Америка: туалетная бумага — слишком тонкая, а газеты — слишком толстые»²⁰.

Пребывание Черчилля на Кубе было непродолжительным — меньше месяца. Он принял участие в нескольких стычках с кубинцами (сражениями их назвать нельзя), получив боевое крещение в день своего совершеннолетия. В одном из эпизодов пуля пролетела на расстоянии вытянутой руки от нашего героя, убив стоящую рядом лошадь. В другой раз пуля застряла в его соломенной шляпе, которой он укрывал лицо во время сна. «Нет ничего более волнующего, чем когда в тебя стреляют и не попадают», — скажет он через пару лет. Сам Черчилль под пули не лез, но прятаться от них также не стал. Матери он признавался, что в одном из столкновений с партизанами он «оказался в самой опасной части поля боя», где «достаточно наслушался свиста и жужжания пуль». За проявленную смелость испанское правительство наградило молодого искателя приключений медалью *Cruz Rosa* — Красный крест²¹.

Несмотря на кратковременное пребывание на Кубе, Черчилль увез с острова две привычки, которым сохранит верность до конца своих дней. Первая — курение сигар. Он начал курить еще в школе, однако «гаваны» распробовал лишь на Кубе. В дальнейшем британский политик будет отдавать предпочтение марке *Romeo y Julieta*. «Куба всегда будет на моих губах», — скажет он во время второго посещения острова, которое состоится спустя полвека после первого визита. Вторая привычка — сиеста. По его мнению, природа не планировала «заставлять человечество работать с восьми утра до полуночи» без отдыха. Достаточно всего полчаса дневного сна для «восстановления жизненных сил». Сам он советовал «не перенапрягать организм» и «в интересах дела или удовольствия, как духовного, так

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru